

УДК 327+339.564:37

М. Н. Лисогор

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ
ЭКСПОРТА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

78

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 15.05.2024 г.

Принята к публикации 27.11.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-7

Для цитирования: Лисогор М. Н. Внешнеполитическое измерение концепции экспорта высшего образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №4. С. 78–88. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-7.

Объектом исследования являются международные отношения в контексте образовательной миграции. Теоретическая основа включает в себя концепции «мягкой силы» и «умной силы», интернационализации образования, культурного обмена и научной дипломатии. Рассмотрены исторические аспекты, а также современные тенденции в развитии высшего образования и международных отношений. Определены состояние и динамика экспорта образовательных услуг с точки зрения распространения «мягкой силы» в российской внешней политике. Обоснована важность экспорта образования как способа воздействия на политические элиты и общества. Сделан вывод о важности повышения качества образования как экспортного продукта России для того, чтобы укрепить его ценность на международном уровне и, соответственно, улучшить имидж России как дружественного государства.

Ключевые слова: экспорт образования, дипломатия знаний, научная дипломатия, образовательная миграция, интернационализация образования

Вопросы экспорта высшего образования, как правило, рассматриваются с позиции экономического расширения рынка или с позиции увеличения политического влияния государства-экспортера. Центральными понятиями в рассуждениях о проблемах экспорта высшего образования выступают «мягкая сила» и «умная сила». В терминах современной теории международных отношений экспорт высшего образования оказывается не самостоятельным направлением внешнеэкономической и политической деятельности государства, а всегда подчиненным другим задачам. Одновременно сложности концептуализации этих ключе-

вых понятий затрудняют артикуляцию конкретных прикладных задач экспорта высшего образования. Является ли высшее образование наиболее важным и мощным силовым ресурсом современного государства?

Джозеф Най ввел понятие «мягкая сила» в конце 1980-х гг. Сейчас его часто (и нередко манипулятивно) используют политические лидеры, журналисты и ученые по всему миру. «Мягкая сила» заключается в способности привлекать и убеждать. В то время как «твердая сила» — способность принуждения — вырастает из военной или экономической мощи страны, мягкая сила возникает из привлекательности культуры, политических идеалов и политики. «Твердая сила» остается решающей в мире государств, пытающихся защитить свою независимость, и негосударственных группировок, готовых прибегнуть к насилию.

Логическое противопоставление «твердой» и «мягкой силы» в международных делах не является чем-то инновационным для XXI столетия. Е. В. Пименова пишет:

Основные принципы внешней культурной политики как инструмента влияния на международную повестку стали изобретением гораздо более раннего периода. По большому счету прообраз «мягкой силы» в нашем нынешнем понимании сложился в колониальную эпоху, когда перед метрополиями впервые встала долгосрочная задача формирования местной лояльной элиты на покоренных территориях. Ее подготовка и воспитание осуществлялись посредством экспорта образовательных стандартов, культурных норм, языка, ключевых принципов государственного управления. Элементы целенаправленной внешней культурной политики можно усмотреть и в еще более раннюю эпоху: примером доколониальной «мягкой силы» может служить христианское миссионерство в VII—XIV вв. Тогда речь шла о расширении ареала христианской веры, а соответственно, и сфер политического влияния Рима и Константинополя [16, с. 59].

Известно, что основным компонентом германской «мягкой силы» на рубеже XIX—XX вв. были образование и наука. А. В. Торкунов прямо пишет о том, что «Советский Союз долгое время успешно использовал высшее образование в качестве инструмента геополитики и “идеологического оружия” в условиях блокового противостояния и холодной войны еще задолго до возникновения самого понятия» [21, с. 88—89]. В связи с этим небезынтересен опыт ФРГ и ГДР в эпоху идеологического противоборства. Е. В. Пименова описывает его так: «Самым значительным шагом во внешней культурной политике стало создание в 1951 г. Гёте-института — организации, призванной работать в сфере продвижения немецкого языка и немецкой культуры за рубежом, активно работающей и сегодня. ГДР стремилась не отставать от ФРГ в этом вопросе. В 1956 г. в Лейпциге на базе университета Карла Маркса был создан Гердер-институт (Herder-Institut). Он задумывался как полный аналог Гёте-института, противопоставляя при этом свою деятельность «культурному империализму», пропагандируемому ФРГ» [16, с. 61].

Первый масштабный рейтинг «мягкой силы» государств был составлен в 2010 г. журналом «Монокль» совместно с британской независимой благотворительной организацией *The Institute for Government* [8, с. 423].

Ныне ведущий рейтинг — это *Global Soft Power Index* [1, с. 198]. В 2020 г. в этой системе Россия заняла десятое место, в 2021 г. потеряла три позиции и заняла 13-е место, а в 2022 г., после начала специальной военной операции на Украине, была исключена из рейтинга [7, с. 37].

В 2004 г. Дж. Най ввел в научный оборот понятие «умная сила» (*smart power*). Он применил это понятие для того, чтобы скорректировать неверное восприятие «мягкой силы» как единственного средства эффективной внешней политики [15, с. 59]. Для более глубокого понимания практики реализации «мягкой силы» следует учитывать содержание «умной силы», которая предполагает рациональное распределение ресурсов между *soft power* и *hard power* [8, с. 421]. По большому счету эти понятия до сих пор остаются, скорее, несовершенными метафорами, нежели фундаментальными понятиями современной теории международных отношений. Вместе с тем большинство политиков и политологов интуитивно верно понимают содержательные различия этих понятий.

Министр иностранных дел России (в 1998—2004 гг.) И. С. Иванов отмечает, что в условиях снижения значимости традиционных инструментов внешней политики для повышения международного влияния страны необходим переход к «умной» внешней политике с акцентом на использование нематериальных активов, таких как образование [10].

Смещение фокуса внимания на гуманитарные аспекты внешней политики и дипломатии требует глубокой проработки. Как отмечает М. М. Лебедева, «человеческий фактор стал важнейшей составляющей военно-политической и международно-экономической проблематики... однако современные исследования социальной и гуманитарной проблематики пока не отвечают той роли, которую приобрел сегодня человек в мировой политике» [12, с. 7]. Действительно, «мягкая сила» сегодня выглядит как глобальное явление, атрибут современной внешней политики.

Малые страны и даже некоторые микросоциальности, лишенные возможностей «твердой силы», обращаются к специфическим инструментам «силы мягкой». Г. Холик выделяет следующие ее разновидности:

экономическая «мягкая сила» (*economic soft power*) — инвестиционная и финансовая привлекательность государства; гуманитарная «мягкая сила» (*human capital soft power*) — привлекательность образовательной системы, научной и технологической деятельности; культурная «мягкая сила» (*cultural soft power*) — международное признание культурного наследия государства; расширение межкультурных коммуникаций; популяризация национального языка; туристическая привлекательность; политическая «мягкая сила» (*political soft power*) — развитие политических институтов демократии; защита прав человека; дипломатическая «мягкая сила» (*diplomatic soft power*) — эффективность переговорного процесса; способность к предотвращению агрессии; нейтрализация угроз [см.: 24; цит. по.: 8, с. 420—421].

Примечательно, что частью каждой из разновидностей «мягкой силы» так или иначе выступает образование.

Дж. Найт полагает, что «международное высшее образование традиционно не считается игрой победителей и проигравших — оно ориен-

тировано на обмен и партнерство и основывается на сильных сторонах стран /высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений. Кроме того, оно дает решения и преимущества для всех игроков, заранее признающих, что выгоды будут отличаться среди участников процесса» [25, р. 48]. Отсюда возникает резонный вопрос: в какой мере образование само по себе может выступать в качестве силового ресурса?

По всей видимости, ответ на этот вопрос стоит искать в инструментализме публичной и культурной дипломатии. В широком контексте «культурная дипломатия — это государственная политика, направленная в рамках внешней политики на экспорт репрезентативных данных национальной культуры и на взаимодействие с другими странами в этой же культурной сфере» [19, с. 31]. В.А. Долинский отмечает, что «в международном академическом сообществе существует консенсус относительно международных образовательных обменов как ключевого инструмента публичной дипломатии» [6, с. 57]. Дж. Найт выдвигает концепцию «дипломатии знаний» (knowledge diplomacy) и оперирует понятиями рынка образовательных услуг [26]. Р.О. Райнхардт полагает трансграничный оборот образовательных услуг «инструментом международного научно-технического сотрудничества» [17, с. 386].

Ведущая мировая тенденция в сфере высшего образования — его интернационализация. В самом общем виде под интернационализацией понимается процесс, реализуемый на национальном, секторальном и институциональном уровнях, при котором цели, функции и организация предоставления образовательных услуг приобретают международное измерение [11, с. 98]. Этот процесс подразумевает активизацию международных связей субъектов образовательной деятельности, сближение национальных образовательных пространств и увеличение поля сопряжения интересов государств и неправительственных организаций в сфере образования. Соответственно, выделяют два крупных аспекта интернационализации: внутренний — адаптация национальных систем образования к новым условиям проницаемости границ и внешний — собственно экспортно-импортные трансграничные поставки образовательных услуг различного типа. «Необходимо отметить, что развитие стратегии интернационализации образования в Российской Федерации в целом реализуется с учетом мировых тенденций. Основные формы поддержки интернационализации российской высшей школы реализуются по программно-целевому принципу» [3, с. 10].

И.И. Жуковский выделяет три крупных этапа интернационализации образования: этап фондов, этап международных университетов и этап массовых онлайн-курсов [9, с. 27]. С нашей точки зрения, эти этапы, возникая в указанном хронологическом порядке, породили институты, ныне существующие одновременно и в какой-то мере порождающие избыточную конкуренцию предложения. При этом «...негативным моментом является то, что всем государственным программам по интернационализации не хватает “прозрачности”. Более того, отсутствует единый методологический подход к оценке их эффективности» [3, с. 10].

Сугубо экономический подход к процессам интернационализации образования как к экспорту образовательных услуг, потребляемых в момент их производства, далеко не в полной мере отражает сущность

самого явления и тем более не способен объяснить преференциальный характер отношений производителя и потребителя. «Относительно экспорта образования исследователи отмечают неопределенность этого понятия. В целом речь идет о включении иностранных обучающихся в образовательное пространство того или иного государства. При этом значение имеет ряд сопутствующих обстоятельств: повышение международного влияния, прибыль от образовательной деятельности, повышение престижа страны и ее образовательной системы и др.» [23, с. 139]. Возможным представляется рассмотрение экспорта образования в качестве важной составляющей «мягкой силы» — воздействия посредством культуры и образования на определенные общности, включая распространение ценностных установок, мировоззренческих позиций, позитивного отношения к стране — поставщику образовательных услуг. Также стоит принимать в расчет, что строгая эконометрика в отношении экспорта образования, как правило, не выдерживает капиталистической критики. Например, «рассмотрение финансовых выгод от иностранных обучающихся для университетов не учитывает издержек от их обучения. Вопросы “мягкой силы” обладают значительной спецификой, и их связь с экспортом образования не всегда безусловна. Также не является безусловной гарантией экономического роста поиск его источников за пределами этого общества» [Там же, с. 140]. Таким образом, мы приходим к общему выводу о слабости понятия «экспорт образования» как экономической категории.

Российский опыт наглядно иллюстрирует значительный перевес в пользу международно-политической интерпретации концепции экспорта образования по сравнению с политэкономической интерпретацией. Р. О. Райнхардт, сопоставляя содержание российских внешнеполитических концепций, выделяет два крупных этапа в формировании экспортно-ориентированной образовательной политики России. «Для первого (1996 — середина 2000-х годов) характерен переход от либеральной парадигмы к реалистской, определенная политизация, постановка во главу угла национальных интересов. Второму этапу (середина 2000-х — 2016 годам) присуща переориентация на экономическое изменение международного научно-технического сотрудничества при четком формировании научной дипломатии как концепта в его современном виде» [17, с. 385].

Политические и экономические задачи изначально ставились перед субъектами экспортной деятельности в сфере образования. Вместе с тем в течение всего первого десятилетия XXI в. ясности в расстановке приоритетов не наблюдалось. Маркетинговая стратегия российских вузов зачастую ограничивалась выполнением плана конгрессно-выставочной деятельности, для многих участников такая активность за пределами национальных границ стремительно теряла привлекательность в силу возрастающих затрат. «Стратегия расширения возможностей предполагает увеличение экспортного потенциала отечественного образования не только как одной из весомых статей дохода государственного бюджета за счет комплексного решения ряда задач административно-организационной, нормативно-правовой, финансово-экономической, учебно-методической направленности, но и применения технологии

“мягкой силы”» [3, с. 9]. Перенос веса в сторону государственнической позиции позволил сформулировать российским агентам внешней образовательной деятельности смыслы активности за рубежом.

Без сомнения, участники международного научно-образовательного взаимодействия следуют внешнеполитической парадигме «материнского» государства и сформируют внешнеполитическую повестку дня в регионах своего присутствия. Соответственно, рациональной моделью поведения для государств является обеспечение своего наибольшего научно-образовательного присутствия в приоритетном с точки зрения внешней политики регионе, а для участников международного научно-образовательного сотрудничества — максимально следовать векторам внешней политики «материнского» государства [9, с. 24].

Ближе к концу первого десятилетия нового века оформились основные субъекты российской экспортно-образовательной деятельности и начала (хотя и медленно) выстраиваться целостная инфраструктура экспорта образования.

Среди проявляющих в настоящее время наибольшую активность субъектов реализации «мягкой силы» России выделим следующие: органы федеральной государственной власти, прежде всего — Российский МИД и Россотрудничество; негосударственные институции и неправительственные общественные объединения, такие как Институт Содружества независимых государств, Институт стратегических оценок и анализа, Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), фонд «Политика», фонд развития гражданского общества и др.; средства массовой информации, в первую очередь — МИА «Россия сегодня»; ведущие университеты: МГУ им. Ломоносова, МГИМО, СПбГУ, РУДН и др.; религиозные организации: Русская православная церковь, Центральное духовное правление мусульман, Совет муфтиев России, Координационный центр мусульман Северного Кавказа и др.; организации социально-культурной деятельности, которые проявляют явно недостаточную инициативу [22, с. 95].

Процессы глобализации и интернационализации образовательных продуктов привели к тому, что за последние годы резко возросла роль университетов в политической, экономической, культурной и социальной сферах. Большое количество стран мира используют модель глобального научно-исследовательского университета (global research university), которая способствует созданию, созданию и распространению новых научных знаний, навыков и умений, а также их эффективному использованию в научно-технической, научной, инновационной и управленческой деятельности.

И. И. Жуковский полагает, что «пик присутствия филиалов разнообразных российских государственных (19 филиалов) и негосударственных (18 филиалов) университетов за рубежом пришелся на 2006 год. В то же время как формат получения образования, так и качество работы подавляющего большинства указанных филиалов, не позволяют отнести эти образовательные инициативы к категории релевантных: общего с настоящими международными университетами, которые ока-

зывают влияние на политический климат в двусторонних отношениях, имели немного» [9, с. 32]. Стоит согласиться с оценкой И. И. Жуковского, что «релевантными к рассматриваемой категории “международного университета” могут являться только существующие четыре российско-национальных (славянских) университета, идеология создания которых предусматривает создание российского международного университета, самостоятельно работающего в принимающей юрисдикции» [Там же]. Эксперты отрасли чаще всего называют наиболее успешным опыт филиала МГУ в Астане и Кыргызско-славянского университета им. Б. Н. Ельцина [5, с. 579]. Наряду с российскими университетами заметными игроками в деле продвижения российских образовательных продуктов являются Фонд Горчакова, Фонд «Русский мир», РСМД, Росмолодежь [6, с. 59]. Ведущим инструментом реализации «мягкой силы» РФ за рубежом — в целом и на пространстве СНГ — в частности, является компания Россотрудничество (Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству), учрежденное в 2008 г. [17, с. 394].

Ближе к концу второго десятилетия XXI в. российскими властями были приняты некоторые документы стратегического планирования в области экспорта образования. В 2017 г. началась реализация проекта «Экспорт образования». «Ключевая цель проекта — повышение привлекательности и конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг и, таким образом, решение задачи наращивания несырьевого экспорта Российской Федерации» [20, с. 19]. В 2019 г. была принята Стратегия развития экспорта услуг до 2025 г., в которой немалое значение придано экспорту образования, прежде всего в страны постсоветского пространства.

В развитие национальных проектов в 2021 г. была запущена Стратегическая инициатива Правительства Российской Федерации «Россия — привлекательная для учебы и работы страна». Данный проект курирует Министерство экономического развития России. Данная инициатива предполагает достижение следующих эффектов: повышение качества миграционного потока, упрощение доступа к госуслугам для иностранцев и улучшение имиджа России в мире. Мероприятия инициативы направлены на наращивание потока иностранцев в Россию для учебы и работы. В частности, предусматривается грантовая поддержка иностранных студентов [23, с. 143].

Несмотря на существующую институциональную инфраструктуру, Россия добилась относительно скромных успехов в продвижении экспорта образования даже на постсоветском пространстве. «В 1990 г. в Советском Союзе проходили обучение 126,7 тыс. студентов из зарубежных стран (при том что страны СНГ на тот момент входили в состав СССР и в данную статистику не попадали), что составляло 10,8 % иностранных студентов во всем мире. После 1991 г. количество иностранных студентов резко сократилось (73,1 в 1995/96 гг.), что было связано с уменьшением территории и социально-экономическим кризисом» [5, с. 578].

По предположению А.В. Торкунова, выдвинутому в 2012 г. число иностранных студентов в России к 2025 г. могло бы составить до 8 млн чел. [21, с. 86]. Активная политика привлечения иностранных студентов позволила к 2017 г. превзойти показатели СССР почти вдвое – 240 тыс. чел., правда почти 57 % прибыли из государств СНГ [5, с. 579]. Еще через 5 лет общее количество иностранных студентов в стране составило 395 263 чел. Это пиковый показатель. Уже в 2022 г. число иностранных студентов уменьшилось более чем на 40 тыс. чел. По оценке экспертов, в 2023 г. число студентов-иностранцев не превышало 356 тыс. чел. [4]. По данным исследовательского проекта *Project Atlas*, Россия на 2023 г. занимала шестое место в мире по количеству иностранных студентов [18]. При этом отставание от лидеров – США, Великобритании и Канады – значительное, более чем в два раза. Если США контролируют порядка 25 % мирового рынка образовательных услуг, то России принадлежит чуть больше 6 %. Россия по числу иностранных студентов на 2016 г. была сопоставима с Францией или Австралией [2, с. 19] и остается таковой до сих пор. Согласно указу президента В.В. Путина «О национальных целях развития РФ», количество иностранных студентов в РФ к 2030 г. должно вырасти до 500 тыс. чел. По мнению министра науки и высшего образования В.Н. Фалькова, для увеличения этого показателя в 1,4 раза нужно искать новые решения [4].

«Если реалистично смотреть на вещи, лишь ведущие российские университеты являются глобально конкурентоспособными, а значит, способны привлекать наиболее перспективных абитуриентов и предоставлять им образование мирового уровня. Большинство же такими не являются. В результате получается, что российский бюджет оплачивает обучение не самых высокопотенциальных студентов в не самых лучших университетах» [6, с. 58]. В свое время Д.В. Ливанов констатировал, что российская сторона неоднократно получала жалобы от принимающих государств по поводу низкого качества образовательных услуг в филиалах российских вузов [13]. «Низкое качество подготовки иностранных студентов отрицательно сказывается на имидже российского образования. На бюджетной основе необходимо принимать иностранных студентов на условиях конкурсного отбора. Обеспечить возможность трудоустройства лучших иностранных студентов на территории РФ и упростить для них порядок получения российского гражданства» [14, с. 159]. «Не очень прозрачным выглядит механизм отбора иностранных студентов в российские университеты. В отличие от похожих зарубежных программ, нет четко обозначенных публичных процедур и критериев отбора. Это не только снижает качество непосредственного процесса отбора привлекаемых студентов, но и в принципе существенно снижает привлекательность программ: наиболее сильные кандидаты выбирают более прозрачные программы, что уже на первом этапе снижает конкурентоспособность пула потенциальных участников» [6, с. 58].

Существенным препятствием конвертации привлекательности российского высшего образования в реальное политическое влияние на постсоветском пространстве выступает изменение восприятия России. Различные социологические опросы, проводившиеся в странах СНГ, выявляют не только твердую тенденцию на падение ее авторитета, но и

негативное восприятие России как дружественного государства. «Такие настроения не могут не отразиться на политике правящих структур в этих странах, независимая или же “многовекторная” политика которых, в свою очередь, приводит к ужесточению российской политики. Клубок противоречий между странами только растет, что и может привести к радикальной смене внешнеполитического вектора многих бывших про-российских государств» [7, с. 37].

Анализ факторов, препятствующих успешной реализации «мягкой силы» через механизмы экспорта высшего образования, показывает жесткую зависимость деятельности субъектов экспорта от факторов, которые ими не контролируются. Экспорт образования как часть культурной дипломатии, выполняющей функцию «мягкой силы», находится почти в полной зависимости от политической конъюнктуры и не может претендовать на статус самостоятельного силового ресурса государства. Функциональное назначение экспорта образования во внешней политике — решение долгосрочных задач гуманитарного характера. Само по себе увеличение или уменьшение числа иностранных студентов в стране или зарубежных филиалов университетов определяет качество институциональной инфраструктуры, но не может выступать единственным критерием оценки успешности экспорта. Природа образования как услуги, имеющей длительные потребительские свойства, позволяет рассматривать ее как механизм «мягкой силы», который со временем утрачивает меру своего воздействия, нуждается в постоянной поддержке потребителей. Спецификация экспорта образования по регионам — непереносимое условие его успешности, поэтому ее недоучет (по всей видимости, даже странового уровня) пока не позволяет России достичь значимых успехов на постсоветском пространстве при наличии значительного потенциала, часто несопоставимого с другими международными акторами.

Список литературы

1. Антюхова Е. А. Образование как «мягкая сила» в современных зарубежных и российских политологических исследованиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, №4. С. 197–209.
2. Бобыло А. М. Политика интернационализации высшего образования в странах АТР как инструмент «Мягкой силы» (на примере США, КНР, Сингапура и РФ) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. №1 (40). С. 18–29.
3. Бондаренко В. В., Заугаров В. В., Селезнев П. С., Юдина В. А. Концепция совершенствования университетского обучения иностранных студентов в Российской Федерации в рамках политики «мягкой силы» // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. №5 (35). С. 6–18.
4. В российских вузах обучается почти 356 000 иностранцев, и их становится больше. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/05/27/1039611-v-rossiiskih-vuzah-obuchaetsya-pochti-356-000-inostrantsev> (дата обращения: 28.05.2024).
5. Герасимова В. А. Инструменты и ресурсы «мягкой силы» России на пространстве СНГ // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, №6. С. 574–582.

6. Долинский А. В. Образовательные обмены в публичной дипломатии: российский и зарубежный опыт // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №2 (35). С. 56–62.
7. Енгоян А. Сущность «мягкой силы» России в странах СНГ // Вестник Ереванского университета. Международные отношения, политология. 2024. Т. 15, №1 (43). С. 29–41.
8. Ефанова Е. В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2018. Т. 20, №3. С. 417–426.
9. Жуковский И. И. Эволюция моделей международного научно-образовательного сотрудничества в контексте современных внешнеполитических стратегий // Балтийский регион. 2015. №3. С. 23–37.
10. Иванов И. С. Какая дипломатия нужна России в XXI веке? // Россия и мусульманский мир. 2012. №5. С. 5–15.
11. Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг. // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2010. Т. 5, №1. С. 96–106.
12. Лебедева М. М. Развитие социальной и гуманитарной проблематики в международных исследованиях: российский ракурс // Вестник МГИМО-Университета. 2018. №1 (58). С. 7–25.
13. Ливанов Д. В. Филиалы вузов РФ, дающие некачественное образование, закроют // РИА-Новости. 2014. 16 июля. URL: <http://ria.ru/abitura/20140716/1016172695.html> (дата обращения: 05.05.2024).
14. Мартышенко Н. С. Система образования как важнейший инструмент «мягкой силы» приграничного региона // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, №2. С. 156–160.
15. Най Дж. Будущее власти. М., 2014.
16. Пименова Е. В. Закат «мягкой силы»? Эволюция теории и практики soft power // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №1 (52). С. 57–66.
17. Райнхардт Р. О. Эволюция концептуальных основ российской научной дипломатии 1996–2016 годов // Научный диалог. 2020. №3. С. 385–401.
18. Россия заняла шестое место в мире по числу иностранных студентов // Ведомости. 2023. 13 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/13/966139-rossiya-zanyala-6-e-mesto-po-chislu-inostrannih-studentov> (дата обращения: 11.06.2023).
19. Табаринцева-Романова К. М. «Новые» виды дипломатии XXI в.: культурная дипломатия в современном международном дискурсе // Дискурс-Пи. 2019. Т. 16, №3 (36). С. 26–37.
20. Тарасова А. А. Особенности составляющих элементов «мягкой силы» России // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2020. №1 (20). С. 18–23.
21. Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО (У). 2012. №4. С. 86–89.
22. Чимаров С. Ю. К вопросу о российском облике политики «мягкой силы» // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 216. С. 93–99.
23. Шишков В. В. Государственная политика Российской Федерации по привлечению иностранных студентов 2008–2021 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2023. №3 (104). С. 137–146.

24. Holyk G. G. Paper Tiger? Chinese soft power in East Asia // *Political Science Quarterly*. 2011. Vol. 126, №2. P. 223 – 254.
25. Knight J. Knowledge diplomacy in international relations and higher education. Cham, 2022.
26. Knight J. Moving from soft power to knowledge diplomacy // *International Higher Education*. 2015. №8. P. 8–9.

Об авторе

Максим Николаевич Лисогор – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.
E-mail: MLISOGOR@kantiana.ru

88

M. N. Lisogor

THE FOREIGN POLICY DIMENSION OF THE CONCEPT OF EXPORTING HIGHER EDUCATION

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 15 May 2024

Accepted 27 November 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-7

To cite this article: Lisogor M. N., 2024, The foreign policy dimension of the concept of exporting higher education, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 78–88. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-7.

The object of the study is international relations in the context of educational migration. The theoretical basis of the study includes the concepts of “soft power” and “smart power”, internationalisation of education, cultural exchange and scientific diplomacy. Historical aspects, as well as modern trends in higher education and international relations are considered. The state and dynamics of the export of educational services in the context of “soft power” in Russian foreign policy are determined. The author emphasizes the importance of education export as a way to influence political elites and societies, and also comes to the conclusion about the importance of improving the quality of education as an export product of Russia in order to increase its value at the international level, and accordingly, improve the image of Russia as a friendly state.

Keywords: export of education, knowledge diplomacy, scientific diplomacy, educational migration, internationalisation of education

The author

Maksim N. Lisogor, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.
E-mail: MLISOGOR@kantiana.ru